

Анастасия Лебабина

Байки перед сном 2019.
Сборник рассказов

16+

Анастасия Лебабина

**Байки перед сном 2019.
Сборник рассказов**

«Автор»

2019

Лебабина А.

Байки перед сном 2019. Сборник рассказов / А. Лебабина —
«Автор», 2019

ISBN 978-5-532-08686-9

Легкое чтение. В этой книге собраны рассказы, написанные с ноября 2018 по ноябрь 2019 года. Большинство из них были опубликованы ранее в разных сборниках: "Призраки Стива", "Вещи, которые лучше не делать", "Кровавый закат", "Зона Т". Изображение взято с сайта [peedrix](http://peedrix.com).

ISBN 978-5-532-08686-9

© Лебабина А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Фобия	5
Сестра	7
Осенний денек	9
Сумасшествие	12
Зона Т	15
Послы с того света	17
19 век	20
На смерть смотрящая	24
Картина смерти	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Фобия

Я боюсь смерти. Обычно, мне на это отвечают что-то вроде: «Все боятся, это нормально», или «Чего здесь бояться, это неизбежно и ждет каждого». Но мой страх не сопоставим со страхом этих «всех», они спокойно живут, занимаются своими делами, строят планы. Да, если задуматься, неизбежный конец их пугает, но они не живут этим страхом, не засыпают и не просыпаются с этими мыслями, а я думаю об этом постоянно, я уже не живу, так, существую. А всему виной тот случай, который произошел со мной в прошлом.

Два года назад я умер. Умер на несколько секунд. Тогда, после аварии, за мою жизнь боролись лучшие доктора нашей больницы. Не знаю, что там не заладилось, но они начали меня терять: пропало дыхание и пульс. Позже, лечащий врач сказал, что у меня была клиническая смерть, недолго, около 20 секунд, но то, что произошло со мной за это время, навсегда изменило мою жизнь. Раньше я тоже боялся смерти «как все». Вроде и понимал, что это неизбежно и ждет всех нас, но все же считал, что не существует «абсолютного конца». Я верил и верю в существование Бога. Все эти призраки, темные и светлые сущности...они, конечно, фантастичны, но все же дают некую надежду на бессмертие. Я часто слышал от людей, которые находились на грани жизни и смерти истории про «свет в конце тоннеля», полеты «по светлomu коридору», «очередь из людей» и т.д. Ничего подобного я не видел. Ни-че-го. Не уверен, что смогу описать это так, как оно было, но постараюсь. Сначала, после потери сознания, я словно пребывал во сне. По-моему, мне даже что-то снилось. Но потом, в ту секунду, когда дыхание прекратилось, а сердце остановилось, я упал «вникуда». Словно провалился в черную дыру. Не было никакого полета, никаких видений. Внезапно и резко я оказался в полном мраке. Ничего вокруг: только тьма и холод, вечная тьма. Я оглядывался, но вокруг не было никаких людей, никаких душ, никого. Наверно, это словно ослепнуть и оказаться голым на улице в октябре. Только я не мерз, нет таких ощущений, которые испытывают живые люди. Я не покрывался мурашками, не испытывал стыда от наготы. Наверно, этот холод нельзя описать словами, придуманными в этом мире. Ну, то есть, описать можно, понять нельзя. Тебе больше не страшно, не больно, не стыдно, но настолько неуютно, холодно и пусто, что невыносимо. Такого я не ощущал никогда. Я прикоснулся к чему-то настолько печальному и бесконечному, что полностью изменило мою дальнейшую жизнь. Очнувшись, я увидел яркий свет и большое количество врачей в голубых одеждах, они суетились, бегали вокруг меня, переговаривались. Возле аппарата с монитором, подключенного ко мне, стояла девушка, которая озвучивала показания вслух. Позже я снова уснул.

Выписавшись из больницы, я никак не мог забыть эту «черную дыру». Постоянно думал, а что если «по ту сторону» не просто ничего нет. Что если люди не просто «засыпают вечным сном» и уходят в небытие, а осознают свою смерть, чувствуют ее холод, вечность пребывают в крошечной тьме в полном одиночестве, без возможности делать что-либо. Ладно, если это еще тот самый «ад», тогда от нас еще хоть что-то зависит, мы хоть как-то можем избежать этого...а если нет... Я стал одержим этими страхами. Пришлось обратиться в Центр психологической помощи. Там я ходил в группу с людьми, пережившими клиническую смерть. Оказывается, у многих людей после этого события случаются проблемы психологического характера. Но они были ничуть не похожи на мои. Как правило, эти люди боялись снова попасть в ту ситуацию, которая спровоцировала кому. Кто-то боялся автомобилей, кто-то аттракционов, кто-то лифтов...но никто не видел того, что видел я. Меня перевели на одиночные беседы. Спустя два месяца они начали давать результаты, я вернулся на работу, снова занялся своим хобби – фотографией, перестал ежесекундно думать о смерти. Спустя полгода доктор Джонс сказал, что я здоров и могу больше не приходить к нему, прописал мне таблетки на месяц для закрепления результата, и сказал звонить, «если что».

Примерно через два месяца моя фобия вернулась. Я снова пришел к доктору Джонсу. Он сказал, что не понимает, что я был полностью здоров, спросил, пропил ли я таблетки. Было заметно, он в замешательстве. Доктор много расспрашивал о том, что произошло за это время, пытаюсь понять, какой фактор спровоцировал рецидив. Не найдя ничего подходящего, он сказал:

– Мистер Уилл, мне жаль, но, похоже, что моей компетенции недостаточно для Вашего лечения. Подыщите другого специалиста.

Но ни новый доктор, ни курс дорогостоящих препаратов не смогли избавить меня от этого. Жизнь стала невыносима, но уход из нее, тем более добровольный, еще хуже. Сейчас мне советуют стереть эту информацию под действием гипноза. Раньше я побаивался, что могу забыть не только негатив, но и что-то важное, но сейчас...сейчас мне уже все равно. Только бы избавиться от этого. Я записан на послезавтра, а завтра иду в церковь, помолиться.

Сестра

Кайли очень любила свою старшую сестру Изабель. Несмотря на большую разницу в возрасте – 10 лет, Изабель много времени проводила с малышкой: они играли в куклы, прятки, мяч, болтали обо всем на свете. Но когда Кайли было 6 лет, Изабель умерла от осложнений после пневмонии. Родители сочли дочь слишком маленькой, чтобы сказать правду, поэтому придумали историю, что Изабель просто уехала учиться в другой город. Сказать, что Кайли расстроилась – ничего не сказать. Родители были вынуждены пригласить детского психолога, чтобы вернуть ребенка к нормальной жизни. После курса лечения, малышка перестала заикливаться на сестре, но не забыла ее, она постоянно спрашивала: «Мама, а когда Изи приедет?», «Пап, почему у нее там совсем нет каникул?» и т.п.

В тот теплый весенний день Кайли вышла из двери своего дома на 12-ой Уэст и направилась в сторону остановки, которая находилась в 100 метрах от их крыльца. На улице только прошел дождь, воздух был свеж, пахло озоном и мокрым асфальтом. Девочка брела не торопясь, старательно обходя лужи. На ней были новые туфли, которые мама привезла из командировки: черные с белыми лакированными носами на небольшом широком каблучке, она их очень берегла. Мама сказала, что если она будет аккуратно их носить, то в следующий раз получит ТОТ САМЫЙ вельветовый сарафанчик, который они видели в городе. Кайли свернула влево и оказалась на остановке, там уже стояла ее подруга – Клара. Девочки, как и полагается в их возрасте, обменялись новостями из мира игрушек и, как полагается прилежным ученицам, обсудили домашнее задание:

– Я думала, там ответ 3, а оказалось 8.

– Ну ты даешь, Клара. Ведь сегодня тест, а ты сов..., – Кайли внезапно замолчала, и уставилась вдаль. Девочка не верила своим глазам и своему счастью: там, вдалеке, с поля к ним приближалась до боли знакомая фигура – Изабель, догадалась Кайли и бросилась через дорогу. Она забыла о своих новых туфлях, о данном маме обещании и о превосходном вельветовом сарафане, она бежала, не обращая внимания на лужи и грязь, брызги разлетались во все стороны, запачкав ее белые колготки.

– Изабель! Ты приехала! – кричала малышка на бегу, – Я так рада! Изабель!

Подбежав, Кайли бросилась в объятия своей сестры, та ответила тем же.

– Изи, где ты пропадала? Я думала, что ты больше не любишь нас.

– Что ты, Кайли, – произнесла та и вытерла слезу с правой щеки, – очень люблю.

– Обещай больше не уезжать никогда-никогда.

– Боюсь, что это невозможно, малышка. Я уезжаю прямо сейчас, но ты можешь поехать со мной...если хочешь.

– Но...а как же мама с папой?

– Ничего, ты оставь им записку или попроси Клару передать на словах.

– Но они же будут скучать по нас, как я по тебе, только сильнее в 2 раза!

– Решать тебе, но у них еще есть Бэлла. Кайли, у меня очень мало времени... решай, – голос Изабель становился все тише.

Кайли поразмышляла около минуты, затем с криком: «Я сейчас», побежала в сторону остановки, где стояла ошарашенная Клара.

– Ты куда убежала, Кайли?

– Я уезжаю со своей Изи, – проговорила девочка и открыла молнию на своем ранце. Долго там рылась, затем вытащила чистый листок бумаги и карандаш. После этого, она уселась на колени, прямо на асфальт, и стала что-то писать. Закончив, она поднялась, наскоро отряхнула колени, которые уже ничто не могло спасти, и протянула лист Кларе:

– Вот, передай маме и папе. И поцелуй их от меня, – выпалила Кайли, и не дожидаясь ответа, побежала в поле. Перебежав дорогу, девочка обернулась и прокричала:

– Только обязательно поцелуй, – затем, побежала дальше...

Клара, забыв о школе и автобусе, побежала в дом подружки, взобравшись на громоздкие ступеньки, она забарабанила в дверь:

– Миссис Дорис, мистер Дорис, – она кричала и колотила обеими руками. Через несколько секунд на пороге показалась мама Клары – Стейси Дорис:

– Что случилось, Клара? На автобус опоздала, да? Но Кайли уже ушла...

– Кайли, она...она...вот, – девочка протянула записку. Стейси, уже немного разволновавшись, поспешила развернуть белый лист, на котором детским неровным подчерком было написано:

«Дорогие мама и папа. Изабель вернулась, и мы уезжаем вместе. Надеюсь, вы будете не очень сильно грустить, ведь у вас есть Бэлла. Я вас люблю. Кайли». Прочитав эти строки, Стейси бросила безумный взгляд на Клару:

– Где она?

– Она пошла в поле, воон туда, – указала пальцем девочка.

Стейси бросилась в поле, куда указал ребенок. «Кайли», «Кайли» – кричала она, но ответа не было, в зоне видимости дочери не оказалось. Напуганная мать побежала обратно в дом и вызвала полицию. Стражи порядка и волонтеры обшарили всю округу, прошерстили поле, но поиски ничего не дали... Когда Клару, как единственного свидетеля опрашивали, она рассказала следующее:

– Мы стояли на остановке, как Кайли вдруг бросилась в сторону поля. Она была одна. Я уверена, там никого не было, но она что-то говорила. Понимаете, разговаривала сама с собой. Затем прибежала обратно взволнованная и радостная, заявила, что уезжает куда-то «с Изи» и просит поцеловать родителей. А потом...потом, она просто исчезла. Растворилась в воздухе. Знаю, такого не бывает, но я видела! Я не сумасшедшая!

– Возможно, твоя подружка просто упала, и ты перестала ее видеть?

– Нет! Она не падала. Она стояла, а потом – растворилась. Ну, становилась все бледнее и бледнее, словно погрузилась в туман, затем окончательно пропала.

Разумеется, такие показания нельзя было приобщать к делу. Нельзя же в отчете написать «растворилась в воздухе», да и общественность требует ответов. Если ребенок был похищен, значит, в округе стало небезопасно, значит нужно принимать меры. Поиски продолжались уже несколько недель, когда однажды утром мистер Дорис вышел на улицу выкинуть мусор; контейнер находился как раз через дорогу от остановки. Он шел, не сводя глаз с того самого поля, как, он был готов поклясться, увидел своих дочерей: Изабель и Кайли. Девочки стояли в поле и были словно в тумане. Он бросил мешок, мусор разлетелся во все стороны тротуара, и побежал в поле. По мере приближения, силуэты становились все менее заметны, пока, наконец, окончательно не исчезли. «Неужели мне это показалось, нужно сходить к доктору Райну, иначе я окончательно свихнусь», – думал Энди. В этот момент на глаза ему попало какое-то черное пятно в траве, он подошел ближе...и упал на колени: перед ним лежало тело Кайли.

Экспертиза не смогла установить причин смерти, все выглядело так, словно ее сердце вдруг перестало биться.

Осенний денек

Сегодня, Мартш, пришло время рассказать тебе, что случилось со мной, когда мне было восемь. Только ты слушай внимательно, слушай и не перебивай.

В тот день было солнечно и тепло. Наверно, это был самый теплый день с начала учебного года. Я шел со своим другом Эдди вдоль 10-ой улицы. Листва весело шуршала под ногами, а мы подкидывали ее носками своих ботинок и болтали о всякой ерунде. По пути мы зашли в небольшой магазинчик. Ну, знаешь, купить какой-нибудь дряни вроде фруктовой жвачки или газировки. Надо отметить, это был наш с Эдди любимый магазин. Там всегда был богатый выбор и приветливый продавец – хозяин лавки, мистер Бэннет. Так, мы зашли внутрь, но мистер Бэннет был в тот день сам не свой. Беспokoйный какой-то. Мы поздоровались и спросили, не случилось ли чего, на что продавец натянуто улыбнулся, пробормотал что-то и отвернулся. Мы, конечно, удивились, но значения особого не придали. Мало ли, у каждого может быть плохой день. Значения-то не придали, но остался какой-то неприятный осадок, какой-то оттенок некой безысходной обреченности поселился глубоко в голове. Мы тогда купили...не помню...то ли чипсов, то ли колы и вышли из магазина. Дальше идти было уже не так весело. Мы с Эдди оба были погружены в свои мысли. Наверно, мы прошли молча около квартала. Потом заговорил Эдди:

– А мне сегодня приснился ночной кошмар.

– Что? – переспросил я, т.к. не расслышал из-за погруженности в задумчивость.

– Стив! Я говорю, что меня мучают ночные кошмары.

– И давно?

– Да. С тех пор, как мы стали соседями.

– А почему раньше ничего не говорил?

– Я их не запоминаю. Знаешь, встаю с утра, как ни в чем не бывало.

– Да? А сегодня что?

– Сегодня с утра я тоже ничего не помнил, а сейчас...сейчас вдруг вспомнил.

– И что же тебе снилось?

– Не могу вспомнить...не знаю, но помню чувство ужаса и беспомощности.

– Ты не думал обратиться к мисс Бонвик? – усмехнулся я.

– Мисс Бонвик? К нашему школьному психологу? – удивился Эдди, не заметив моей иронии.

– Ну да, она бы выписала тебе каких-нибудь таблеток, чтобы ты мог спокойно спать. Знаешь, говорят, что все эти ночные кошмары опасны, – продолжал веселиться я.

За этой незамысловатой беседой мы подошли к 11 дому по улице Ноулстрит, где и жил мой приятель Эдди, я с родителями жил домом дальше. Мы попрощались, как обычно и договорились встретиться завтра с утра на этом же месте, чтобы вместе отправиться в школу. В теплую погоду мы с Эдди предпочитали не пользоваться автобусом, а прогуливаться пешком. Друг пошел к себе во двор, а я – дальше, до моего дома было метров 30. Я брел медленно, шаркая ногами по асфальту. Разноцветные листья взлетали вверх от порывов ветра, а затем медленно приземлялись обратно. Вот уже показалась моя калитка – зеленая скрипучая с ржавыми петлями. Я открыл ее и зашел во двор. Газон мы не косили уже довольно давно и трава заметно подросла. Зеленые стебельки достигали щиколотки, но мне это даже нравилось. Мне казалось, что подросшая трава гораздо естественнее и приятнее, чем скошенная. Только подстриженный газон напоминал мне трехдневную щетину пьющего мужчины. Дом у нас был довольно большой, но очень старый, родители переехали сюда еще до моего рождения. Наверно им было всего лет по тридцать. Думаешь, как рядовые служащие могли себе позволить собственный большой дом еще и в столь молодом возрасте? Я, когда вырос, тоже интересовался этим

вопросом. Оказывается, что этот дом продавался удивительно дешево. Дешевле, чем маленькие дома на той же Ноулстрит. Странно, конечно, но им риэлтор объяснил, что дело в возрасте и состоянии дома, а так же в том, что предыдущая владелица хочет продать его как можно быстрее, поэтому согласилась на занижении цены. Родители посомневались немного, но все же подписали договор, уж очень маме дом понравился: трехэтажный темно-красный с ярко-белыми оконными рамами и черными решетками на окнах, дверь тоже была черной из какого-то металла. Металлическая дверь – это была редкость в то время, а уж когда строился этот дом, подавно. В доме было 6 спален, огромная гостиная, кухня, 7 ванных комнат и подвал. На первом этаже находились только гостиная, кухня и самая большая из ванных комнат: светлая и просторная с огромной угловой ванной. На втором этаже 4 спальни и, соответственно 4 ванных комнаты, а вот на третьем этаже, кроме оставшихся двух спален и ванных находилась какая-то деревянная дверь, которая была всегда заперта. Родители мне ничего не рассказывали, как я не упрасивал. Чердака в этом доме не было, поэтому устроить свою секретную «штаб-квартиру» я мог только в подвале, но подвала я тогда ужасно боялся, поэтому «штаб-квартиры» у меня не было. Я ступил на крыльцо – деревянное, выкрашенное белой краской, но уже немного обшарпанное. Там у нас стояло старое кресло-качалка и небольшой кофейный столик. Мама любила сидеть здесь вечерами и читать свои любимые книги, укутавшись с теплый шерстяной плед и потягивая свой любимый Мальборо лайт. Машины во дворе не было, так я понял, что родителей дома не было. Я открыл тяжелую металлическую дверь и очутился в темном коридоре. Правой рукой нащупал выключатель и щелкнул его вверх. Свет не зажегся. Тогда я стал щелкать вниз-вверх, пока долгожданный теплый желтый свет разлился по прихожей.

– Опять проблемы с проводкой, – подумал я, – когда же придет этот электрик...

Папа вызвал мастера еще пару дней назад, но он почему-то не приходил и мы мучились с мерцающим, не включающимся, а иногда вообще внезапно выключающимся светом. Кошмар. Я снял ботинки, в нашем доме принято было разуваться, для соблюдения чистоты, и прошел в гостиную.

– Мама? – позвал я так, на всякий случай, – папа?

Ответа не было. Я бросил портфель в гостиную и плюхнулся на мягкий бежевый диван, собиравшись посмотреть немного телевизор. Но только я расслабился, как вдруг услышал откуда-то со второго этажа голос мамы:

– Стиви это ты?

– Да, мам, я дома, – честно говоря, я был немного раздосадован тем, что мама уже дома. Значит, мне придется идти в свою комнату и учить уроки, просмотр каналов отменяется.

– Стиви, подойди сюда, помоги мне, – каким-то странным и загадочным голосом позвала мама. Что-то в этой интонации меня насторожило, но нужно было идти, мама же зовет. Я подошел к лестнице и снова услышал мамин голос:

– Стив, иди же сюда скорее, иди Стив. Мне нужна твоя помощь. Срочно, Стив! – голос мамы стал каким-то нетерпимым и резким и как будто не совсем на нее похожим, но я продолжил подниматься по ступенькам: медленно и осторожно, меня пугал мамин тон.

– Я уже поднимаюсь, мама. Иду.

– Поторопиись, Стиивен, – проговорила мама нараспев, словно с какой-то слащавой улыбочкой, она никогда раньше так не говорила. Мне стало по-настоящему жутко. Я приблизился к коридору второго этажа. Мамин голос доносился из самой дальней спальни, она была пустой, там никто и никогда не спал. Почему-то даже гостей в этой спальне родители не размещали, она вообще обычно была заперта, а тут вдруг дверь приоткрыта, и мама зовет меня в пустую комнату в чем-то помочь.

– Ну ладно, – подумал я, – наверно родители решили наконец купить мебель в эту спальню. Возможно, бабушка, наконец, сдалась и переезжает в наш дом. Мой дед умер во время

войны, еще до моего рождения и бабушка жила одна за городом. Мама всегда звала ее к нам, но она наотрез отказывалась. Может, наконец, созрела... – успокаивал я себя.

– Стиви, ну что же ты? Мамочка заждалась... – полушепотом пропела мама. Я шел по коридору второго этажа, мне было страшно, но я почему-то все равно шел. Наверно успокаивал себя, что от мамы нельзя ожидать ничего плохого МАМА ЖЕ. Я шел медленно по зеленому протертому ковралину, пол слегка поскрипывал, я приближался к дальней комнате, мне оставалось каких-то пару шагов до полуоткрытой двери дальней комнаты, как входная дверь распахнулась:

– Стиви? Ты уже дома? – весело позвала...мама. На несколько секунд я застыл на одном месте, меня словно парализовало, я не мог сделать ни шага, не мог вымолвить ни слова. В ужасе я понял, что в дальней комнате была не мама, был не кто-то, там было что-то, что-то страшное, что-то необъяснимое и очень опасное. Придя в себя, я побежал вниз. На секунду я оглянулся на ту спальню и увидел, как дверь резко захлопнулась, и услышал, как повернулся запор.

– Мама! Мама! – кричал я, – бежим скорее, мама. На улицу, быстрее.

– Что с тобой? Стиви? Что случилось?

Я бежал, не помня себя от страха, как только добежал до мамы, то стал тянуть ее за плечо на улицу:

– Мама, пожалуйста, поверь мне. Нам срочно нужно уходить. Срочно.

Мама, скорее чтобы меня успокоить, согласилась выйти из дома. Мы выбежали на улицу.

– Стив! Немедленно объясни мне, что случилось, – беспокоилась мама.

– Нет, мама. Я не могу. Там в доме. Там что-то есть.

– Есть? Что там есть? Стиви, малыш, ты, наверно, уснул и тебе приснился кошмарный сон.

– Нет, мама, это был не сон. Там, в той дальней комнате что-то было. Нам нельзя возвращаться в дом. Нет, нельзя, – бормотал я.

– Хорошо, Стив. Я вызову полицию. Я вызову полицию от соседей.

Я поднял голову и посмотрел на окно той самой комнаты. В окне стояла женщина. Она была неестественно бледной, с ярко-черными глазами, черными волосами, одетая во что-то белое...белое, как простыни в больнице. Женщина улыбалась мерзкой и хитрой улыбкой, глаза были прищурены. Я знал одно: это не человек.

– Нет, мама, полиция здесь не поможет. Не поможет.

Сумасшествие

Ллойд стоял на коленях перед задыхающейся Мирандой. Его руки крепко обхватили горло девушки и немного тряслись от напряжения. Она уже не сопротивлялась, не кашляла... только немного кряхтела.

– Не разжимай руки, не смей. Ты же давно этого хотел, – подбадривал его темноволосый коренастый паренек невысокого роста. Он стоял около Ллойда и с упоением наблюдал картину. Губы его были разведены и открывали звериный оскал: зубы были крепко стиснуты, словно он этими самыми зубами помогал Ллойдру справляться с бедняжкой. Миранда окончательно замолчала. Убийца еще несколько секунд сдавливал ее шею, затем, с выдохом, разжал пальцы и поднялся. Увидев бездыханное тело с красными следами на шее, он, словно не ожидая, отпрянул назад. В желудке словно произошло извержение. Он поднес руку ко рту, чтобы сдержать накатившую тошноту, и побежал к мусорному баку. Когда желудок-вулкан успокоился, Ллойд вернулся к своему спутнику.

– Что же я наделал, Джош? Я этого не хотел. Не хотел...

– Успокойся, приятель. Как это не хотел? Мы же давно планировали... Ладно, не волнуйся, это только начало, они еще о нас узнают. Они услышат о нас. Садись, поехали.

– Нет, Бейкер, Вам никогда не окончить школу! Я удивляюсь, как Вы доучились до выпускного класса?! Если бы я преподавал у Вас ранее, Вы бы до сих пор были в начальной школе, ибо знания Ваши обитают именно там. Садитесь. Неудовлетворительно.

– Но, мистер Вайт, я же стараюсь... Может, Вы могли бы посоветовать какое-нибудь пособие для подготовки к экзамену?

– Вы действительно хотите услышать мой совет?

– Да, мистер, конечно.

– Тогда, Бейкер, забирайте свои документы и переводитесь в спец. школу, где учатся такие же олигофрены, как Вы.

– Почему Вы так говорите? У меня хороший средний бал, который был бы отличным, если бы не естествознание. Мне нужно лишь сдать Ваш предмет на удовлетворительную оценку. Я не собираюсь связывать свою жизнь с естественными науками. Почему Вы не хотите мне помочь?

– Не собираетесь связывать? А понимаете ли Вы, Бейкер, что вся жизнь – это естественные науки? Таким как Вы и так собрали несколько наук в одну. Куда проще? Но нет, Вы и это не в состоянии освоить! Я не помогаю безмозглым тупицам. Идите, занимайтесь стишками-рисунками, или что Вы там еще делаете. Не собирается он связывать... А раз не собираешься, то и на уроке тебе делать нечего! – орал раскрасневшийся от гнева педагог, указывая пальцем на дверь. Бейкер нехотя побрел на выход под звонкий смех одноклассников.

Ллойд с приятелем ехали на стареньком мустанге в соседний городок.

– Джош, я действительно не хочу этого. Я не смогу.

– Ну и слюняй же ты, приятель. Так ничего и не понял, так ничему и не научился. Ладно. Я сам. Я все сделаю за тебя.

– Нет! Не сделаешь. Я не хочу этого. Знаешь, я только сейчас понял, что мне это не нужно. Давай остановимся, пока не поздно.

– Не поздно? Приятель, да ты убийца. Ты же прикончил эту девчонку. Как ее там звали? ... А, Миранда... Да, она сдохла. Чего она там лепетала перед смертью, помнишь? «Не надо, пожалуйста, Ллойд, пожалуйста», – Джош расхохотался.

– Я пойду в полицию, сдамся. Я не смогу жить с этим. Обещай, что не тронешь их. Пожалуйста. Я только сейчас понял, что все равно люблю их.

– Да-а-а... Ладно, я не буду убивать их, ладно. Но у меня будет условие.

– Какое?

– Про девчонку ты будешь молчать. И поедешь со мной. Я от своих планов отказываться не собираюсь.

– Хорошо. Ради них. Хорошо.

– Эй, белобрысый, сколько раз говорить тебе, что нельзя входить в мою комнату?!

– Джер, я только хотел...

– Да плевать мне чего ты там хотел! Моя комната – закрытая территория, тебе там не место! Ясно?

Маленький мальчик со светлыми волосами опустил голову и кивнул. Затем снова нерешительно поднял глаза на старшего брата:

– Джер, может, поиграем, как раньше?

Но тот лишь бросил презрительный взгляд и захлопнул дверь перед ребенком.

Малыш не понимал, что «как раньше» уже не будет никогда. Никогда он не сможет перемотать пленку времени назад, в тот день, когда не стало Майли, его сестры-близняшки. Да, он виноват, но ведь все произошло случайно. Он просто хотел помочь родителям, хотел подстричь газон. Малыш часто видел, как это делает Джер, и решил, что справится. Одному Богу известно, как он смог завести газонокосилку, которая стояла во дворе. Как бы то ни было, ребенок ее завел, и она поехала. Мальчуган шел за ней радостный и гордый. Тут же нет ничего сложного, она едет сама... Он слишком поздно увидел сидящую на лужайке сестру, которая устроила пикник для своих кукол. Она была одета в желтое платье с пышной юбкой. «Майли, уходи, Майли»...но девочка его не слышала. Детский голосок заглушал шум газонокосилки. Тогда он попытался остановить машину – безрезультатно, ведь удержать ее было не под силу ребенку, а как заглушить мотор он не знал. Через несколько секунд по сторонам полетели кровавые лоскутки желтого цвета.

Смеркалось, когда Ллойд и Джош подъехали к старому дому из белого кирпича. На втором этаже горел свет. Спальня.

– Пора.

– Я здесь подожду.

– Нет, ты пойдешь со мной, Ллойд.

Джош вышел из машины и стоял в ожидании «напарника», тот нехотя согласился. Вместе они отправились к двери. Джош потянул ручку – дверь поддалась. Не заперто. Странно. Вдруг, из темноты, кто-то набросился на них, скрутили руки. Ллойд догадался: полиция. Они уже знают, они нашли их. Он расплакался:

– Это не я, это все Джош, он заставил меня, я не хотел. Я сразу хотел сознаться.

Свет зажегся и Ллойд увидел перед собой человека в полицейской форме.

– Ллойд Бейкер, что Вы делаете здесь?

– Я пришел с Джошем. Он попросил.

– Хорошо, Джош попросил. А зачем?

– Он...он...он хотел убивать.

– Убивать кого? Твоих родителей?

– Нет-нет. Что Вы, своих. Но я был против, он заставил меня.

– Хорошо, и за что же он хотел их убить?

– Они обижали его. Обижали.

– А тебя?

– Меня – нет. Я их вообще не знаю...

– Может, хватит?! Ллойд! Нет никакого Джоша!

– Как нет?! Вот же он стоит, – сказал Ллойд и повернул голову налево, – Вот...

Но перед его взором предстал...он сам. Растрепанный, красноглазый он стоял перед большим зеркалом.

– Послушай, Ллойд, сейчас придет доктор Джеферсон и ты вернешься обратно.

Но Ллойд ничего не отвечал. Он погрузился в себя. Он вспомнил тот выпускной 5 лет назад.

В школе был настоящий переполох. Прямо во время выпускного вечера убито несколько человек: преподаватель по естественным наукам, несколько выпускников и сторож. Трое ранено, в том числе выпускница – Миранда Файрс. Виновника удалось найти довольно быстро, им оказался выпускник Ллойд Бейкер. Светловолосый паренек. Обычно добродушный ценитель прекрасного. Он превосходно рисовал, писал стихи, всегда учтивый и послушный. Что случилось с этим парнем? Конечно, его потрясла смерть сестры в возрасте 6 лет; конечно, отношение семьи к нему после этого случая сильно изменилось, но он, получая пощечину по одной щеке, подставлял другую. Отношения в школе... Ну да, подразнивали за «возвышенные интересы». Из-за слабого физического развития, иногда избивали...и словно никто не видел, словно так и надо. Еще в шестилетнем возрасте у него появился воображаемый друг Джош, этакое альтер эго. Джош был сильным, смелым, дерзким, умел постоять за себя. В глубине души, Ллойд хотел быть похожим на него. И вот, однажды, в один прекрасный день, день выпускного, Джош вырвался на свободу...

Ллойда отправили в психиатрическую клинику, из которой он, спустя 5 лет, разумеется под уговорами Джоша, сбежал. Сбежал, чтобы мстить. Разумеется, парня снова отправят в медучреждение, но Джош вряд ли когда-нибудь успокоится, уж слишком глубокая кровоточащая рана у него в груди.

Зона Т

– Да ладно тебе. Устроим привал здесь.

– Ты разве не знаешь, тут нельзя останавливаться. Здесь маньяк.

– Маньяк орудовал в этих местах, во-первых: тридцать лет назад, во-вторых: по ночам, а я предлагаю просто немного передохнуть среди дня! К тому же, я просто не дойду дальше. Все, – сказала Хлоя и кинула свой рюкзак на землю. – Брось, не будь такой трусихой, Сандра.

– Ладно. Передохнем, но до вечера мы должны покинуть этот участок.

– Да-да, – отозвалась сквозь зевоту Хлоя, – конечно.

Хлоя и Сандра добирались пешком из спортивного лагеря домой. Вышли они с рассветом, около 4 утра и двигались без остановок уже 12 часов. Разумеется, сонливость и усталость не заставили себя ждать, но Сандра хотела пройти еще 5 км, чтобы покинуть «зону Т» как можно скорее. «Зоной Т» называли участок, площадью 32 км, на котором в 60-е годы орудовал серийный убийца Тревор Сейс. За 5 лет своей «карьеры» он убил огромное количество людей: 75 доказанный эпизодов, но считается, что их было гораздо больше. Все нераскрытые убийства, совершенные в этих местах в промежутке между 1963 и 1968 годами, а их больше 200, местная полиция негласно списывает на Тревора. Он был убит во время очередного эпизода в июле 1968. Тогда он уже находился под подозрением, и все его действия контролировались «наружкой». Говорят, что последними звуками, которые он издал, был дикий смех. Выглядело немного жутковато, но неудивительно. Сумасшедший – он и есть сумасшедший, что с него взять?

Девочки не заметили, как их окончательно сморило, и они погрузились в крепкий сон. Проснулась Сандра, когда было уже темно, посмотрела на наручные часы – 8 вечера.

– Хлоя, Хлоя! Проснись, скорее проснись! – кричала перепуганная девушка, толкая подругу в бок. Та нехотя перевернулась, потянулась и, приоткрыв левый глаз, спросила:

– Что еще случилось, Сандра?

– Уже стемнело! Нужно скорее выбираться отсюда!

Хлоя осмотрелась, еще раз потянулась и присела:

– Да, стемнело. Хорошо мы с тобой задряхли.

– Скорее вставай, собирайся. Нам нужно уходить!

– Куда мы пойдем ночью? Заблудиться захотела? Давай дождемся рассвета, а уж потом и...

– Рассвета?! Нет!!! Я не останусь тут ни на минуту!

– Да что с тобой не так, Сандра? Ладно, я сейчас позвоню маме. Думаю, часа через полтора она будет здесь. Успокойся только. Достань лучше лампу, не видно ни черта.

Хлоя нащупала в кармане мобильный, набрала знакомый номер:

– Алло, мам? Не могла бы ты приехать за нами, а то Сандра что-то хандрит. Нет, мы не далеко, у нас привал в «зоне Т». Что? Да, я пришлю тебе GPS-координаты. Через час? Хорошо. Ждем. – Хлоя положила трубку и обратилась к подруге, которая расставляла лампы и фонари, – Вот видишь, мама приедет через час. Сможешь продержаться час?

– Зря смеешься, Хлоя. За час может случиться что угодно.

– Ладно, давай ты отвлечешься от этой навязчивой идеи. У меня есть кое-что, – она потянулась к своему рюкзаку, развязала тесемки и засунула руку внутрь. Долго шарила там с сосредоточенным видом, затем с радостным криком «нашла», вытащила небольшую коробочку.

– Что это за деревяшки?

– Это игра. Сейчас я построю пирамиду, а потом мы будем по очереди убирать из нее по одному кирпичику. У кого строение сломается, тот и проиграл.

– Ладно, давай.

Подруги принялись играть. Занятие было настолько увлекательным, что Сандра, казалось, забыла о своих опасениях. Действительно, мистера Сейса застрелили 30 лет назад. Разумеется, место не очень приятное... столько убийств и все такое, но это же было так давно, к тому же, ждать оставалось меньше получаса. За игрой минуты летели быстро. Пирамида рушилась снова и снова, подруги смеялись. Ждать оставалось примерно четверть часа, как в кустах правее их привала послышался слабый шорох:

– Что это?!

– Ветер, Сандра, ветер.

– Нет... Это не ветер.

– Ну, значит, какое-то мелкое животное. Успокойся, скоро мы будем ехать домой.

– Да, наверно ты права. Возможно, я немного преувеличиваю.

Шорох усиливался, словно кто-то пробирается сквозь заросли, ломая хрупкие ветки.

– Наверно, кто-то из лагеря шел за нами и теперь хочет напугать, – подбадривала Хлоя, – Эй, кто здесь? Майк, ребята? – никто не отзывался. Она взяла фонарь и направилась к зарослям.

– Нет, Хлоя, не ходи! Пожалуйста, не ходи.

Девушка обернулась и сердито сказала:

– Сандра! Хватит! Если бы я знала, что ты такая трусиха, ни за что бы не пошла с тобой пешком. Здесь нечего бояться. Эти места патрулирует полиция, это кто-то из ребят.

Увидев лицо подруги, Хлоя поняла, что та ее не слышит. Сандра смотрела куда-то за спину подруги, выпучив глаза, полные слез, ее нижняя губа тряслась, тело будто сковало, и только правая рука медленно поднималась, указывая в сторону кустов.

– Ну что еще?! – раздраженно выпалила Хлоя, обернулась и попятилась. Позади нее, шагах в семи, стоял человек. Она сразу узнала его, местная знаменитость Тревор Сейс. – Этого не может быть, этого не может быть, – лепетала она, продолжая пятиться.

Мужчина выглядел обычно, если не считать нескольких пулевых отверстий в области сердца и одного в голове. Пули прошли навылет, из-за чего зрелище становилось еще более жутким. Тревор стоял на месте, не пытаясь куда-то бежать, кого-то хватать. Он просто стоял и смотрел. Хлоя схватила Сандру за руку, обе они смотрели на призрака.

– На счет «три», разворачиваемся и бежим, – скомандовала Хлоя, мужчина продолжал стоять на месте, – раз, два, три! – девушки резко повернулись на 180 градусов, собравшись рвануть подальше, и увидели его прямо перед собой. Тревор был в метре от них. Он продолжал просто смотреть на них, затем резко улыбнулся... и дикий крик заставил птиц сорваться с мест своего ночлега.

Форд Оливии Гвейн подъехал через час десять после звонка дочери. Она прибыла как раз в то место, где двадцать минут назад девочки встретились со злом.

– Эй, Хлоя? Хлоя, Сандра! Где вы? – звала она, но ответа не было. Миссис Гвейн взяла из автомобиля фонарь и отправилась искать девочек. «Неужели я что-то перепутала? Нет, не может быть, я же ввела точные координаты» – думала она. Окончательно сомнения Оливии развеялись, когда она наткнулась на рюкзаки подруг и деревяшки развалившегося «замка». Она осветила фонарем место привала. В следующую секунду фонарь ударился о землю, а миссис Гвейн зажала рот руками. Все вокруг было в кровавых пятнах: рюкзаки, трава, спальные и даже деревянные кирпичики были запачканы бурым веществом, но девочек нигде не было видно. Она не нашла их ни в тот день, ни на следующий. До сих пор подруги числятся в списках пропавших без вести; полиция продолжает поиски; родители хранят хрупкую надежду.

Послы с того света

Когда мне было 13, у меня часто ночевал мой кузен. Мы вместе смотрели фильмы, играли, гуляли и делали домашнее задание. Так было и в тот день, 18 марта 1989 года. Мы с Диком пришли домой около 3 часов дня, дома никого не было. Я достал из морозилки один из этих «обедов для микроволновки» для себя и кузена. Помню, что я любил их даже больше, чем обычную домашнюю еду. К тому же, приятно ощущать себя взрослым и самостоятельным. Мои родители работали до вечера, а от школьного ланча до ужина сидеть голодным не очень хотелось, поэтому меня снабжали всякими вкусными полуфабрикатами, чуть позже я стал готовить ужин самостоятельно. После сытного обеда мы отправились на улицу, играть с мячом. Я немного не рассчитал силу удара, и мяч улетел в кусты через дорогу.

– Ну нет, я туда не пойду, – сказал Дик.

– Ты пропустил мяч, тебе и идти, – ответил я. Нет, это не были какие-то страшные кусты. Там никого не убили и не изнасиловали, просто было лень. Чтобы пройти к этим зарослям, нужно было обойти дом, выйти через калитку, перейти дорогу, а после лазить в колючих кустах где, возможно, водятся всякие мерзкие насекомые. А возможно, даже растет какой-нибудь ядовитый плющ. – Давай, Дик.

– Ладно, ладно, Томми. Я тебе припомню твое гостеприимство, – пробурчал кузен и нехотя поплелся.

– Ха, тоже мне, гость, – крикнул ему вслед я и уселся на только подстриженном газоне. Смотрю – перебежал дорогу и брезгливо погружается в зеленую массу зарослей. Прошло 5 минут – его нет, 10 – нет. По прошествии 15 минут я забеспокоился: подошел к забору и начал вглядываться в кусты – Дика не было видно.

– Эй, ты где, обидчивый? – ответа нет. Я поспешил к калитке, выскочил на улицу, быстро перебежал дорогу и сразу оказался около злосчастных зарослей. Подошел ближе – никого не видно. Я стал вглядываться больше и больше... пока меня не окликнули сзади:

– Кого ищешь Томми? – я вздрогнул от неожиданности, но голос кузена узнал сразу.

– Дик, где ты был?

– О чем ты говоришь? – удивленно спросил он.

– Тебя не было четверть часа!

– Что?! У тебя проблемы Томми. Я только достал мяч и все. Ушло на это не более минуты. Я решил, что Дик просто хотел меня напугать.

– Ну и ладно. Идешь играть?

Мы возвращались к дому, когда подъехали родители.

– Мама! Папа! А у нас Дик в гостях.

– Это хорошо, сын, тебе будет не так скучно, – сказал папа. Я встал в недоумении.

– Вы куда-то уходите?

– Да, милый, у нас с папой вечером дела, так что вам придется побыть одним.

Увидев, как я сник, мама добавила:

– Это проблема? Если да, то мы вызовем няню и...

– Нет, нет. Все нормально, – ответил я, – мы справимся.

Уже через полтора часа родители стояли около выхода и давали нам «ценные указания»:

– Не выходите на улицу в темноту, закройте все двери и окна на первом этаже...

– Не ходите в гараж и подвал, не трогайте инструменты и машину.

– И, Томми, сегодня вы можете заказать себе пиццу, деньги я оставила на комод.

Мы с Диком радостно переглянулись.

– Не волнуйтесь, все будет в порядке. Когда вы вернетесь?

– Думаю, после полуночи, так что ложитесь без нас, – ответил папа, пока мама добавляла последние штрихи в свой образ.

– Не скучайте. Пока-пока, – мама потрепала нас по головам и поспешила вслед за папой.

Надо ли говорить, что в этот день уроки мы не делали. Я позвонил в службу доставки «Мистер Пицца» и заказал свою любимую «Маргариту» большую, на тонком тесте. Знаю, некоторые считают ее пустой, но только не я. Дику она тоже нравилась, хоть и не так, как «Мясная». Оператор обещал, что через час нам доставят ужин. Мы уселись на диван в гостиной, достали кассеты с ужастиками и принялись смотреть. По прошествии нескольких минут я услышал шорох на лестнице, как будто кто-то спускался.

– Дик, ты это слышал?

– Что слышал?

– Ну, этот шорох на лестнице.

– Не-ет...

– Шшш...слушай... – шептал я.

Шорох продолжался. Теперь это были отчетливые шаги. Кто-то неторопливо спускался с третьего этажа.

– Томми, кто это?! – я ничего не ответил и мы оба стали напряженно смотреть на видневшийся край лестницы.

– Томми, здесь нельзя оставаться, – паниковал кузен. Я отчасти разделял его мнение, но на улице было уже темно и нельзя было быть уверенным, что там безопасно. Поэтому мы забежали за спинку дивана, присели и стали наблюдать. Шаги становились громче и ближе – оно подходило. Я выглянул из-за спинки и чуть не поседел: внизу, в гостиной, справа от телевизора, стоял только что спустившийся... Дик! Я настороженно перевел взгляд вправо, затем медленно повернул голову: около меня, на полу, сидел напуганный Дик:

– Что там, Томми?

Я снова выглянул из-за спинки: около лестницы стоял Дик и испуганно кого-то искал, затем заметил меня:

– Томми, наконец-то, – произнес он и направился ко мне быстрыми шагами, я жестом руки показал кузену, сидевшему за диваном, чтобы он оставался там, а сам вышел навстречу спустившемуся.

– Дик? – с недоверием спросил я.

– Томми, я сейчас видел сам себя! Томми, здесь что-то происходит. Не верь ему... оно опасно.

Я повернул голову назад, в сторону дивана, откуда выглядывала пара глаз, охваченных ужасом. Кузен, сидевший там, был очень напуган. У меня побежали по спине мурашки.

– Пойдем, Томми, – звал спустившийся, – нам нужно спрятаться.

Я попятился.

– Томми, нельзя медлить! Нам нужно спрятаться в доме, оно опасно. Я видел кое-что там, в кустах. Ему нельзя доверять.

Вдруг, сам собой включился проигрыватель, и заиграла какая-то песня. Я не знал ее, запись была очень старой, не думаю, что у нас были такие. Я машинально повернулся в ту сторону: около проигрывателя никого не было. «Да что здесь творится?». Я развернулся обратно и увидел ужасную картину: прямо передо мной стояли два моих кузена. Нет, не знаю, это были не они, т.е. не он. Эти существа стояли рядом, держались за руки и смотрели на меня исподлобья.

– Давай, Томми, присоединяйся к нам, – сказал один из них и протянул мне лезвие.

– Ты должен сделать это сам... – подхватил второй.

– А если я не хочу?

– У тебя нет выбора. Или ты сойдешь с ума, Томми, пока твои мамочка и папочка вернутся домой. Ведь до их прихода у тебя впереди целая вечность, уж поверь.

Неожиданно прозвучал звонок: доставка пиццы, послышалось из-за двери, я бросился к выходу. Трясущимися руками стал отпирать замки. Мне казалось, что они вот-вот коснутся меня своими мертвецкими руками и заташат куда-то. Справившись, наконец, с замками, я распахнул дверь и выбежал навстречу доставщику, молодому пареньку, лет 17:

– Помогите!

Увидев мои обезумевшие глаза, он без лишних вопросов посадил меня в свою машину. Когда мы проезжали мимо, в тех самых зарослях стояли двое. Сначала это были мои кузены, но потом они превратились в тени и исчезли в непролазной зелени.

– Что, парень, – обратился ко мне доставщик, – тоже не любишь эти кусты?

– Да нет, я... стоп. А почему «тоже»?

– Я всегда их боялся в детстве. Говорят, что там, в разное время совершали самоубийства разные люди. Хотя это было давно, да и, скорее всего, просто легенды. Так что не бойся.

– Самоубийства? – переспросил я, вспоминая протянутое лезвие.

– Да, но даже если это и было, то целый век назад. Не бери в голову. Так, где же твои родители?

– Они ушли.

– Ладно. Я отвезу тебя в участок, а они уже с ними свяжутся, ладно?

Когда я вернулся домой с полицией и родителями, Дик спал в гостиной перед телевизором. ОДИН. Позже он говорил, что заснул почти сразу, как мы включили кино, и ничего не помнит...

19 век

- В твоей жизни всегда были какие-то странности?
- Не просто в моей, Мартш, странности преследуют нашу семью несколько веков.
- О, старые истории это интересно, расскажешь?
- Ну, если тебе интересно...Ладно.

Это был конец 19 века. Мари шла домой позднее, чем всегда. Шла обычным маршрутом – довольно оживленными улицами своего города. Мари было 20, и она работала посудомойщицей в местном кафе. Целый день клиенты, и, соответственно, посуда, посуда. Туристы любили это заведение. Кафе находилось в центре города и имело довольно большой выбор блюд за приемлемую цену, можно было плотно покушать всего процентов за 10 от среднего дневного заработка. Нет, ну Мари, да и вообще весь персонал, кормили бесплатно. Работа сменная – неделю работает она, неделю – сменщица. Не самая лучшая карьера, прямо скажу, но выбирать ей не приходилось. Родители Мари были людьми очень бедными и не могли позволить себе оплачивать образование дочери. Все детство девочка провела в глухой деревушке, далеко от города, но как только ей исполнилось 16 лет, Мари переехала в город. Сначала устроилась работать в одну из богатых семей домработницей, там и жила до 19 лет, затем один из друзей этой семьи предложил ей работу в своем кафе. Он видел, что девушка молодая, здоровая, выносливая и работящая, к тому же очень недурна собой. Длинные черные, как смоль, волосы, чуть смуглая кожа, оливкового оттенка, большие изумрудные глаза, тонкая талия, не более пятидесяти сантиметров, пропорциональные грудь и бедра. В общем, Мартш, сейчас она могла бы стать высокооплачиваемой моделью, но тогда... кстати, хозяин кафе, его звали мистер Байнс, пригласил Мари к себе и предложил ей работу официанткой. Он наблюдал за ее работой около года и решил немного повысить в должности, решил, что приятный внешний вид официантки привлечет больше клиентов. Как раз сегодня после работы и состоялась эта беседа, именно из-за этого Мари задержалась. Когда девушка устроилась работать в кафе, она автоматически лишилась жилья, т.к. рассчиталась с предыдущего места работы. Мистер Байнс снял для нее небольшую комнатку на верхнем этаже трехэтажного здания, оплату за жилье вычитал из жалования девушки. Комната эта была очень маленькой, холодной и сырой, т.к. крыша постоянно протекала, а из оконных рам дул холодный ветер, но Мари была счастлива. Это было ее жилье. Размещалось там немного: небольшая кровать, комод с ящиками, зеркало и распашной шкаф для одежды. Белье на кровати всегда было влажным, а одежда в шкафу пахла плесенью, но все это было мелочами для Мари. Из своего крошечного жалования она питалась нерабочую неделю, остальные деньги отправляла родителям. В письмах рассказывала, что живет хорошо и отправляет им финансовые излишки. Разумеется, никакими излишками там и не пахло. Конечно, ей хотелось одеваться получше, ходить в театр и тратить на прочие жизненные радости, но она знала, как тяжело живет ее семья, поэтому убеждала себя, что успеет еще пожить красиво, когда «выбьется в люди», а сейчас ее помощь нужнее там, дома.

Итак, поздний вечер, Мари шла домой по мощеной узкой улочке. Брусчатка немного скользила после дождя и имела серый оттенок на несколько тонов темнее обычного. По левую сторону тротуара были здания, излучающие уютный желтый свет из окон, по правую – дорога. Уличный свет был довольно тусклый, силуэты прохожих оказывались едва различимы. Мари шла не спеша, разглядывая витрины и встречных прохожих. Среди последних было много туристов, загулявших допоздна. Они были веселы, нарядны и казались счастливыми. Мари задумалась о родном доме, о родителях и немного загрузила. Она никак не могла позволить себе поехать в деревню немного погостить, свободных денег совсем не оставалось. Конечно, она могла бы немного откладывать, а не отправлять все домой, но не делала этого. Так, в своих мыслях она прошла несколько десятков шагов, пока ее не отвлек звук шагов позади. Шаги были

быстрыми и немного шаркающими, как будто идущий боялся поскользнуться. Мари огляделась и поняла, что на обычно оживленной улице нет ни души, что по мокрому тротуару идут только двое: она и тот незнакомец сзади. Девушка прибавила шагу, но незнакомец был все ближе, она это понимала по приближающемуся шаркающему звуку. Разумеется, ей очень хотелось обернуться, но было страшно. Наконец, Мари повернула голову и увидела метрах в 15 от себя некоего господина. Он был невысокого роста, в темном длинном плаще, лицо скрывала широкополая шляпа, не разглядеть. Девушкой овладел страх, он ударил куда-то в грудь, стал поднимался вверх, и, наконец, застрял комом в горле. Мари не выдержала и побежала. С ужасом, она стала понимать, что странный господин тоже бежит. Сомнений не осталось, он преследует именно ее, но что ему нужно? Ограбить? У нее же ничего нет. Да, у нее ничего нет, но он-то об этом не знает.

– Помогите! – кричала Мари, – помогите мне!

Но никто не откликнулся, никто не выходил и не попадался навстречу. От отчаяния она заплакала, ее посещали самые ужасные предчувствия и страхи, она слышала, как господин дышит ей в спину. Наконец, Мари почувствовала резкий толчок в спину, нагнулась вперед, но все же устояла на ногах. Потом второй. После него она упала на колени.

– Что Вам нужно? У меня ничего нет.

– А мне ничего и не нужно, – отозвался господин низким голосом, и накиннул на шею Мари какую-то веревку, – это нужно тебе.

Господин оказался наделен какой-то невероятной силой. Как Мари не старалась, она не могла вырваться от него. Дышать становилось все сложнее, в голове мелькали самые старые воспоминания из детства: дом, деревня, родители, друзья, школа; затем промелькнули совсем свежие: работа в кафе, предложение перейти на должность официантки, попытка убежать, и, наконец, падение. После этого Мари накрыла темнота – она умерла.

Буквально через несколько минут на ее, еще теплое, тело наткнется компания случайных прохожих, затем придут полицейские, будут долго расследовать это преступление, но оно так и останется нераскрытым. Позже произойдет еще несколько аналогичных преступлений, но маньяк так и останется неуязвим.

– Ну и что тут странного? Подумаешь, маньяк. Стремно, конечно, но вполне типично.

– Мартш, ты не дослушала. В тот же день в дом родителей Мари вошел не кто иной, как... Мари. Родителям сказала, что решила вернуться, что всех денег не заработать, что настоящую жизнь они не заменят. Они провели вместе несколько счастливых дней, прежде чем известие о смерти дочери дошло до них. Разумеется, они и раньше замечали, что Мари вернулась какой-то другой, но думали, что городская жизнь ее поменяла, но в тот день... Письмо получила мать Мари, Розана, и позвала мужа. Мари сидела за столом и наблюдала со стороны. Все письма они читали вместе. Какого же было их удивление, когда они прочли строчки: «С прискорбием сообщаем, что дочь ваша, Мари, 20 лет отроду, погибла при невыясненных обстоятельствах 15 числа сего месяца». После прочтения письма Розана оторвала глаза и подняла их на дочь, та сидела и смотрела на них с престранной улыбкой, затем изрекла:

– Что, узнали все-таки?

– Мари, что это? О чем это написано? Наверно, они перепутали что-то. Ты уехала, а они потеряли тебя, потом нашли погибшую девушку, похожую на тебя, – бормотала мать. Отец при этом не вымолвил ни слова, словно он что-то знал или что-то понял, что-то такое, чего не знала его жена, какой-то секрет.

– Нет, это о ней, о вашей дочери, – прошипело нечто. Оно уже мало походило на Мари. Кожа была серой, волосы белыми, а глаза – ярко красными, как раскаленные угли, словно внутри существа бушевал адский огонь. Само оно походило скорее на живую мумию, чем на юную девушку. Когда оно приподнялось со стула, родители увидели существо неестественно высокого роста, худое и с длинными руками.

– Думала, что это произойдет постепенно, но, похоже, обстоятельства меняются, – шипело нечто и медленно надвигалось на родителей Мари. Тут Мэт, отец Мари, схватил жену и потащил куда-то:

– Бежим, Розана, бежим со мной.

Они бежали по старому скрипящему деревянному полу к лестнице, под которой был люк в подвал, где Мэт, отец Мари, занимался какими-то своими делами. Розана знала, что он здесь мастерит что-то, но в подробности никогда не вдавалась. Ведь у каждого должно быть свое пространство. Супруги подбежали к лестнице: Розана потянула за ручку, дверь, естественно, не поддавалась, как и полагается в подобных ситуациях.

– Дорогая, в сторону, – прокричал Мэт, после чего легко выломал тоненькую дверь, – скорее, Розана, скорее.

Мэт с трудом приподнял железный люк и пропустил супругу вперед, она с трудом спустилась по крутой лестнице, Мэт за ней. Жуткий смех существа был совсем близко, оно приближалось к лестнице. Медленно, со вкусом. Мэт захлопнул за собой люк и запер его на засов.

– Спасены, – вздохнула Розана.

– Боюсь, что нет, дорогая, эта дверь его не остановит, но немного задержит.

Мэт метнулся в левый дальний угол, где мешковиной было что-то накрыто, сдернул покрывало, а там находился целый арсенал для борьбы с нечистью. Арсенал, взятый из разных религий, мифов, сказаний. Как оказалось, Мэт увлеклся оккультизмом.

– Что это значат, Мэтью?

– Я знал, Роза, что этот день настанет. Знал, но думал, что время еще есть. Думал, успею рассказать тебе все, но теперь нужно торопиться. Я не знаю, что поможет. Честно, не знаю. Надень православный крест.

Розана стояла в полном недоумении и ужасе.

– Надевай, – закричал Мэт, затем, смягчившись, добавил – дорогая, пожалуйста, надень крест. Я попробую остановить это при помощи молитвы и святой воды.

Розана трясущимися руками в спешке стала надевать крест, тот выпал из рук. Когда она наклонилась, чтобы поднять его, бросила взгляд на люк и застыла с немым криком на устах. Засов люка медленно отодвигался. Сам Мэт в это время суетился на лестнице. Наконец Розана сумела взять себя в руки, подняла тяжелую серебряную цепочку с массивным крестом и надела на шею. В этот момент дверь в подвал открылась, и существо вошло внутрь, улыбаясь желтыми клыками, ступил на первую ступеньку и тут же отпрянул. Нога у нечто задымилась. Дело в том, что Мэт предварительно обильно полил лестницу святой водой. Существо шипело, пытаясь пробраться к супругам. Мэт достал большую потрепанную книгу в кожаном переплете и начал читать молитвы. Существо заревело, глаза его начали гореть, слово пламя открытого огня, но оно не уходило, лишь выжидало время. Мэт понял, что этот способ помогает только в момент чтения и отложил книгу. Нужно было придумать что-то другое... И тут его осенило:

– Роза, подай револьвер. Скорее.

Розана повернулась к столу и начала судорожно на нем копошиться. Среди кучи всяких книг, амулетов, и прочей утвари она обнаружила револьвер и протянула супругу. Тот был уже заряжен. То, что пули были серебряными, догадался бы, наверно, любой, но это было еще не все. На наконечнике каждой из них был выбит какой-то специальный символ. Пока они возились, существо перелетело лестницу одним большим прыжком, оказалось внизу и направилось к ним. Развешанные кресты не давали подойти к супругам близко, против них оно оказалось бессильно, но существо приготовилось ждать, не станут же они сидеть здесь вечно. Оно ходило, шипело, смеялось, бормотало что-то на неведомом языке и принимало разные облики: демоны, люди и животные...ужасное зрелище. Наконец, Мэт прицелился, существо это заметило:

– Ну что же ты, папа, убьешь свою родную дочь? – заговорило нечто голосом Мари и вновь приняло облик девушки. Мэт был уже готов опустить оружие, но Розана крикнула:

– Стреляй! Это не она.

Мэт пришел в себя и спустил курок. Существо стало извиваться и быстро менять разные облики. Оно визжало неведомыми звуками, сейчас это можно ассоциировать с зажеванной кассетой магнитофона. Мэт стрелял еще и еще, пока сущность не упала и не приняла свой окончательный облик. Это был облик Мари.

– Оно умерло?

– Неизвестно, Мартш. После всего Мэт читал над ним еще какие-то молитвы, изгоняющие зло. После чего существо было сожжено, а прах был сложен в некий сосуд и захоронен. Супругов оно больше не беспокоило. До сих пор неизвестно что это было, и о чем знал Мэт. Неизвестно, была ли это Мари, неизвестно зачем ее убили, неизвестно, кто убил. Но, стоит заметить, что в то время в этом городке убили еще нескольких девушек. Преступления были такими же странными: на оживленных улицах никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Вопросов больше, чем ответов, Мартш. Вопросов больше.

На смерть смотрящая

- Как-то странно пахнет.
- Чего? Чем пахнет?
- Станный запах, не знаю, не могу объяснить.
- Ширли, да о чем ты?
- Салли, я же тебе говорю... – сказала Ширли и, подняв глаза на собеседницу, застыла.
- Ширли, что с тобой?

Глаза Ширли округлились, она сделала несколько шагов назад и закрыла рот рукой, чтобы не закричать. Перед ее глазами стояла Салли, ненавистная ей Салли, вся в крови. Кровь стекала по ее длинным волосам, по щеке, а на правом виске зияла неровная дыра. Ширли продолжала пятиться, пока не запнулась за стоящий сзади диван, обернулась на пару секунд, затем снова посмотрела на Салли, которая в недоумении смотрела на нее. Никакой крови не было и в помине.

– Я плохо себя чувствую. Продолжим этот разговор завтра, – промолвила Ширли и удалилась в сторону стеклянной двери.

– Вечно с тобой что-то не так. Тебе лишь бы не работать, – прокричала ей вслед Салли.

Ширли не обратила на нее никакого внимания. У нее перед глазами стояла картина, на которой девушка вся в крови. Наконец, Ширли поняла, что за запах ей чудился: запах крови, резкий с металлическими нотами.

Салли и Ширли работали вместе в одной небольшой компании, занимающейся страховыми услугами. Они постоянно вздорили, и не могли найти общего языка. На самом деле, с Салли никто не мог найти общего языка, она пришла работать в компанию совсем недавно, но уже успела перессориться с большей частью коллектива. Несмотря на то, что должность девушка имела довольно низкую, она пыталась командовать своими коллегами и постоянно спорила с вышестоящими лицами. Более того, работником она была довольно посредственным, но при этом позиционировала себя настоящим специалистом. Разумеется, Мартш, ты задаешься вопросом, почему ее до сих пор не уволили. Дело в том, что она была близкой подругой начальницы, которая привела ее в офис для получения необходимого опыта. Избавиться от нее было невозможно. С тех пор, как в компании появилась Салли, в некогда слаженном и дружном коллективе начался разброд, работа перестала ладиться, клиенты уходили. Можно было подумать, что она агент какой-то конкурирующей страховой компании, но это было не так. Она просто такой человек: склочный, злобный и глупый.

Ширли приехала домой в странных и тяжелых чувствах. Нет, она не волновалась за Салли, не волновалась за состояние своей психики, дело было в другом. Придя домой, она не стала есть, пить, не стала смотреть вечернее шоу или любимый сериал, только покормила двух своих кошек и отправилась спать. Прошла через гостиную по мягкому бежевому ковру в дальнюю комнату. Это была ее спальня. Посреди комнаты – круглая кровать, застеленная черным хлопковым бельем, Ширли подошла к ней и плюхнулась на нее, как в бассейн, расставив руки в стороны.

– Что это было? Какое тяжелое чувство. Вина? Да нет, откуда. Досада? Тоже нет. Безысходность, безвыходность, обреченность. Вот что. Все уже решено. Все решено, – думала Ширли, пока не погрузилась в долгий сон.

Утром она проснулась, как ни в чем не бывало. Нет, даже лучше. Открыла глаза – за окном светит яркое утреннее солнце, на кровати спят кошки, из гостиной доносится приятная музыка (она всегда ставила таймер, чтобы утренний подъем был не так ужасен). Ширли встала и отправилась в ванную комнату, чтобы привести себя в порядок, оттуда она вышла уже с гораздо более свежим лицом и пошла одеваться. По пути заглянула на кухню, чтобы насы-

пать кошкам их любимого корма из коричневой картонной коробки и наполнить поилки свежей водой. На звук ударяющихся о миски кусочков корма прибежали Латси и Мейси, кошки Ширли. Нет, они не стали есть, скорее просто продегустировали. После чего Мэйси лег около мисок, а Латси начала тереться о хозяйку, в знак любви и привязанности. Ширли немного повозилась с кошками, погладила, почесала, собиралась даже поиграть, но взглянув на часы, поняла, что выйти из дома ей полагалось еще 10 минут назад. Бегом пронеслась в комнату, надела первое платье, что попало на глаза, и пошла к выходу. Около двери быстро надела туфли, взяла светлую сумку-клатч и выбежала на улицу.

Дорога до работы заняла привычные 20 минут, но Ширли все равно опоздала минут на 15. Около входа в здание стояли полицейские автомобили, не менее трех.

– Решение свершилось, – пронеслась непонятно откуда взявшаяся мысль. Девушка поспешила внутрь здания. На входе полицейский:

– Извините, девушка, сегодня агентство не работает.

– Я сама работаю здесь. Что случилось?

– Работаете? Тогда проходите. Может, поможете чем, – безразлично произнес полицейский.

Ширли вошла в здание и поняла, что звуки доносятся из-за стеклянной двери, из того отдела, в котором работала ненавистная Салли. Девушка поспешила туда. Каблочки туфель ритмично цокали, Ширли почти бежала. Стеклянная дверь открыта. Полицейские, сотрудники агентства, а на полу... да-да, на полу в луже крови лежит Салли, а в правом виске у нее зияет рана.

– Что здесь произошло? – обратилась Ширли к одному из полицейских, – ее что, убили?!

– Да нет, какое убийство. Обыкновенный несчастный случай. Похоже, она разлила воду и поскользнулась.

– Поскользнулась... а откуда же рана?

– Обыкновенно. Она поскользнулась, упала и ударилась правым виском в аккурат об эту тумбочку, – полицейский указал на низенькую тумбочку для приготовления чая и кофе.

– Это невозможно! Нет, этого не может быть, – бормотала Ширли.

– Вы так переживаете. Наверно, вы были друзьями?

– Нет, нет, мы не дружили. Просто...неважно. Просто мне нехорошо.

– Понимаю. Трупов боитесь. Я, помнится, на первом году службы...

– Извините, – прервала его Ширли, – я правда, пойду.

– Да-да, – скучающим голосом произнес полицейский, – идите, только оставьте свои контакты Крису, – он указал на невысокого худощавого паренька. Уверен, что они не пригодятся, но так положено.

– Хорошо, я оставлю.

Ширли подошла к Крису, оставила свою визитку, после чего поспешила выйти прочь.

– Что это было? Я ведь только вчера видела...видела ее такой. Как это возможно? Нет, нужно больше отдыхать, – думала она.

Подойдя к парковке, девушка снова почувствовала странный запах: но это была не кровь, это было что-то другое, похожее на смесь грязного тела, гнили и чего-то еще. Чем ближе она подходила к своей машине, тем сильнее становился запах, шаг за шагом. Ей становилось страшно. Наконец, боковым зрением, она уловила фигуру, идущую параллельно с ней в соседнем ряду. Фигура была желто-серого цвета, с взъерошенными волосами, ну знаешь, как из тех фильмов о зомби, и издавала страшную вонь. С ужасом Ширли поняла, что оно направляется к ней:

– Эй, Ширли, привет, – изрекла фигура звонким и бодрим, кажется мужским, голосом.

Она медленно повернула голову и увидела сущность, которая когда-то была клиентом их агентства.

– Я приехал уточнить пару моментов, а у вас форс-мажор какой-то. Что случилось-то? Ширли стояла и смотрела, не могла вымолвить ни слова.

– Случилось что-то серьезное, да? Какая-то ты напряженная. Ты слышишь меня, Ширли?

Ширли зажмурилась так сильно, как могла, так что в темном пространстве забегали цветные мурашки, затем снова открыла глаза и увидела перед собой мистера Долина. Обычного мистера Долина, веселого и здорового.

– Здравствуйте, да, да случилось. Кажется, случившееся даже хуже, чем я могла подумать.

После этих слов Ширли открыла дверь машины и уже собиралась присесть, но на несколько секунд замерла, затем повернулась к мистеру Долину и сказала:

– Эй, знаете, будьте осторожнее. Кажется, вас ожидает тяжелый день.

– В каком смысле.

– Ни в каком. Просто пойдите прямо сейчас домой и до конца дня не вставайте с постели. Может и обойдется, – изрекла Ширли, села в авто и уехала, оставив мистера Долина в большом недоумении.

Картина смерти

Ты веришь в судьбу? Я тоже раньше не верил. А сейчас...сейчас мне очень страшно. Пишу эти строки и не знаю, успею ли рассказать эту историю, успею ли предостеречь тебя.

Несколько лет назад я посетил выставку-продажу картин молодых художников. Были и смешные и интересные работы, абсурдные и глубокие, странные и понятные, дорогие и подешевле – на любой вкус и карман. Среди прочего, мое внимание привлекла необычная картина молодой художницы с причудливой фамилией Дэфволкер. Происходящее на картине относилось, наверно, к началу 20 века. На заднем фоне было изображено крыльцо старого дома, входная дверь немного покосилась, ступеньки были ветхими и потертыми. На этом крыльце стояла девочка лет шести-семи. С первого взгляда – обычный ребенок, но если присмотреться... Первое, что бросалось в глаза – это некий диссонанс между крыльцом и внешностью девочки. На ней было надето светло-голубое платье с белым фартуком и кружевными оборками, белые гольфы из легкой тонкой ткани и белые туфли с небольшим каблучком. Ее светлые волосы были завиты в крупные локоны. Голубые глаза были широко распахнуты и смотрели куда-то вдаль. Уголки розовых губ не были тронуты улыбкой. В руках она держала какой-то цветок. Просмотр этого полотна оставлял неприятный осадок, настолько неприятный, что я даже не захотел смотреть картины дальше, а развернулся и ушел домой. На следующий день мне вновь захотелось взглянуть на эту странную картину. Она манила меня своей омерзительной таинственностью. По прибытии на выставку я обнаружил, что полотна нет. Оказалось, что его вчера купили. Это странно, но от этой новости я испытал некоторое облегчение. В тот момент мне бы следовало задуматься, но нет...я не понял ни своих чувств, ни знаков судьбы. В знаки я вообще не верил...ни в знаки, ни в судьбу, ни в мистику. Наивный глупец! Подумать только, этого всего могло и не быть, я мог избежать этого кошмара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.